

Лучшие романы
о Рождестве

Ruby Jackson

Churchill's Angels

Originally published in the English language
by HarperCollins Publishers Ltd. under the title
Churchill's Angels © Ruby Jackson, 2013

Ранее роман выходил
под названием «Ангелы Черчилля»

Перевод с английского *А. Кабалкина*

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Руби Джексон

Три Рождества,
которые мы провели
вдали от дома

*Мечты
исполнятся!*

Москва
2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Rubi Jackson
CHURCHILL'S ANGELS

Originally published in the English language
by HarperCollins Publishers Ltd. under the title
Churchill's Angels © Ruby Jackson, 2013

Ранее роман выходил под названием «Ангелы Черчилля»

Перевод с английского А. Кабалкина

Художественное оформление Е. Анисиной

Джексон, Руби.

Д40 Три Рождества, которые мы провели вдали от дома / Руби Джексон ; [пер. с англ. А. Ю. Кабалкина]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Лучшие романы о Рождестве).

ISBN 978-5-699-82220-1

Дочь провинциального бакалейщика Дейзи знакомится с летчиками ВВС Эдейром и Томашем. Под их влиянием отважная романтическая Дейзи становится механиком, верным спутником авиаторов и их ангелом-хранителем. Но молодая женщина мечтает услышать «ты мой ангел» из уст любимого...

Кто им станет — надежный Томаш или влиятельный Эдейр? Дейзи трудно сделать выбор, но, возможно, Рождество расставит все по своим местам?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-82220-1

© Кабалкин А., перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Август 1939 года

— **В**сего доброго, миссис Ричардсон! Дейзи Петри придержала дверь для последней посетительницы, с ворчанием покидавшей лавку.

— Боже, дай мне сил! — прошептала Дейзи. — Я должна отсюда вырваться!

Некоторое время она стояла и наблюдала за пожилой женщиной, удалявшейся по людной Хай-стрит. Два больших трамвая со звоном разъехались, дребезжа по рельсам, порыв свежего ветра донес до слуха невнятные голоса возчика и водителя грузовика.

Все предвещало потепление, при котором запах свежей рыбы из открытого окна соседней лавки станет еще сильнее.

«Только бы рыбу купили, прежде чем она протухнет!» — уныло подумала Дейзи, пятясь внутрь магазинчика «Бакалейные товары и лучшие сорта чая от Петри».

Это было семейное дело, которому она, пока росла, посвящала почти каждую свою субботу, а когда окончила школу, стала трудиться здесь всю неделю. Милое местечко, как и положено маленькой семейной бакалее. Стена позади прилавка раньше казалась Дейзи волшебной; теперь там снизу доверху стояли

большие черные банки с экзотическими китайскими драконами, яркими, как райские птицы. В банках хранились благоуханные чайные листья, ждавшие, когда их взвесят и продадут покупателям, умеющим делать правильный выбор.

Широкая витрина, в которую Фред Петри — отец Дейзи — выкладывал товар, предлагавшийся в этот день со скидкой, выходила на запруженную людьми Хай-стрит. Сейчас посередине улицы стояла миссис Ричардсон и самозабвенно болтала с молодой миссис Дэвис. Та очень старалась быть вежливой и одновременно не упускать из виду двоих своих малышей, только начавших ходить и проявлявших в связи с этим тревожившую их мать непоседливость.

— Оказывается, не так уж она устала... — промолвила Дейзи, ни к кому не обращаясь. Только что миссис Ричардсон громко возмущалась из-за необходимости ждать, пока Дейзи обслужит трех покупательниц, стоявших в очереди впереди.

— Продавцов должно быть двое каждый день, Дейзи, а не только тогда, когда это удобно вам самим. Так я и скажу твоему отцу или матери, когда их увижу. Это бесконечное стояние меня буквально убивает!

Дейзи извинялась, объясняла, что отец отлучился на рынок — день-то базарный, а мать... Вместо того чтобы уточнить, куда подевалась ее мать, она неопределенно махнула рукой и ограничилась словами «занята в подсобке» — пусть ворчунья понимает это как хочет. На самом деле мать Дейзи находилась наверху, в квартире, где жила их семья, и готовила угощения для вечеринки, которую Дейзи и ее сестра-близнец Роуз устраивали для своей подружки Салли Бруэр. К радости и к некоторой зависти Дейзи, Салли приняли в театральный колледж.

Каково это — учиться в колледже, каждый день узнавать что-то новое, заработать диплом со своей

фамилией и особенными многозначительными буквами после нее, который позволит продемонстрировать миру, что ты на что-то годна?

«Я хочу употребить свою жизнь на что-то большее, чем взвешивание чайного листа и чечевицы... Но что это будет?»

Дейзи посмотрела на себя в зеркало на дверце буфета с патентованными лекарственными средствами и нахмурилась. Вот бы быть похожей на Салли — высокую, стройную, большеглазую, с иссиня-черными волосами! Или по крайней мере на свою сестрицу Роуз, такую же высокую и стройную, как Салли, только с волосами цвета кукурузы, как у большинства в семействе Петри, зато достающими до пояса! Уж она бы не стала прятать такое богатство, заплетая его в тугую косу. Дейзи не находила ничего достойного внимания в своих коротких темных волосах, в красивом разрезе зеленых глаз, в крепко сбитой спортивной фигуре. От нее ускользала доброта во взоре, мерцающая в нем потребность видеть в окружающих только лучшее.

«Я застряла здесь, потому что в лавке маме, когда она занята наверху, нужна помощница. Как все просто!»

Четыре года. Четыре года, пять с половиной рабочих дней в неделю. Роуз трудилась в лавке каждую вторую субботу и иногда в школьные каникулы, что же касается их с Дейзи братьев, то ни один из троих никогда не стоял за прилавком. Старший, Сэм, развозил заказы в фургоне и поддерживал его в рабочем состоянии — навык, который он сумел передать сестрам. Обе научились вождению еще младшими школьницами и к пятнадцати годам разбирались в двигателе не хуже Сэма.

Друзья и соседи часто говорили ему: «Тебе бы пойти по отцовским стопам, вон какой вымахал!» Но Сэм ясно давал понять, что такое будущее его не

привлекает, и, как только позволил возраст, записался на армейскую службу. Рон, Фил и Роуз, заканчивая школу, один за другим поступали работать на местные фабрики. У одной Дейзи не оказалось выбора.

«По сравнению с Роуз ты слишком хрупкая, милая Дейзи! Будешь работать здесь, в лавке, — и можешь не бояться промокнуть или замерзнуть зимой. Запираешь дверь в шесть часов — и дело с концом, ты дома».

Да, но как быть со скукой? Дейзи постоянно тосковала, но не смела в этом признаться.

Много лет назад мать решила, что ее Дейзи — болезненная девочка. Причиной было, наверное, то, что она отставала ростом от сестры и братьев, а вообще не какая-то особенная подверженность детским болезням. Все дети в семье Петри — накормленные, тепло одетые, вовсе не обделенные родительской любовью — миновали нежный возраст почти без осложнений и неприятностей. Но что бы ни говорили окружающие, в том числе местная приходящая медсестра, миссис Петри упрямо стояла на своем. «Слишком хрупкая» Дейзи осталась дома — и грезила о совсем другой жизни. Правда, ей еще не удалось найти ответа на вопрос, какой могла бы быть эта жизнь...

Она вернулась за прилавок, к гордости и радости своего отца — великолепному древнему кассовому аппарату компании «Нэшнл Кеш Реджистер» из далекого Огайо, возвышавшемуся здесь столько, сколько она себя помнила, и тщательно его оглядела. На поверхности кассы, обычно лучезарной, обнаружилось масляное пятнышко. Она понюхала его. Сардины? Как, интересно, масло из банки с сардинами сюда попало? Она взяла из спрятанного под прилавком ведра чистую тряпку и тщательно вытерла пятно. Рыбный запах никуда не делся. Она распахнула

дверь, чтобы устранить беспорядок притоком свежего воздуха.

— Как видишь, я все отлично рассчитал и не опоздал! — доложил отец, появившийся на пороге, лишь только она открыла дверь, и вопросительно посмотрел на тряпку у дочери в руках.

— Масло от сардин на прилавке, — объяснила она.

— Прости, дочка, грешен, открыл баночку для соседского кота. Хочется его приманить: пусть захватывает на страх мышам, а то они к нам повадились! Что происходило в мое отсутствие?

— Все как обычно. Сперва покупатели шли один за другим, а затем появилась троица вечных жалобщиков со своим заученным нытьем. Сначала миссис Ричардсон, недовольная, что оказалась последней в очереди, за ней мисс Шоусмит, рассерженная ценой бекона. Мисс Патридж все не может взять в толк, почему у нас нет резинок для трусов нужной ей ширины. Мне пришлось прикусить язык: так и подмывало отправить ее с этим вопросом в галантерею. А тут еще викарий: сахар, мол, уже теперь поступает с перебоями, а что будет в случае войны? Карточки введут? В общем, обычное утро пятницы. — Она пригляделась к отцу. — Что-то ты устал, папа. Лучше присядь отдохни, а я сбегая наверх и согрею нам с тобой чайку.

— И то верно, молодец, Дейзи. Я правда утомился. Боюсь, мне уже нельзя ворочать тяжелые мешки так лихо, как раньше. Я оставил все, что привез, в кузове, до возвращения парней. А мистеру Тайвертону, когда он опять наведается, скажи, что никакой войны не будет. Я для того и пошел на фронт в прошлый раз, чтобы всем войнам пришел конец.

— Для чего же снова открывают старые инфекционные больницы, хотя бы «Джойс Грин», папа, — на случай эпидемии чумы, что ли?

— Они там все перепутали, доченька. Кайзер Вилли нам больше не страшен. К тому же король, благовоспитан его бог, состоит с ним в родстве.

— Не думаю, что это на что-то повлияет, — прошептала Дейзи и побежала по застеленной ковром лестнице наверх, в тесную квартиру, где ютилась семья. Мать она застала в уютной кухоньке, где царствовал запах печеных яблок.

— Пришло время попить чаю, Дейзи? Я слышала голос твоего отца или мне показалось? Как быстро он вернулся! — Она передвинула полный чайник на горячее кольцо плиты.

— Ты готовишься побаловать нас слоеными яблочными пирожками, мама?

Флора Петри, такая же круглая, как ее пирожки, расплылась в улыбке:

— Можно припасти один специально для запыхавшейся продавщицы!

Меньше чем через десять минут Дейзи сидела на нижней ступеньке лестницы с чашкой чая в одной руке и с газетой в другой. Отец ушел с чаем за прилавок, чтобы сразу обслужить покупателя, если таковой появится.

Дейзи прочитывала газеты от первой до последней страницы при малейшей возможности, чтобы быть в курсе всего происходящего, и не только в родном Дартфорде, но и в целом мире. Благодаря газетам и радио семья всегда была готова дать достойный отпор гуляющим вокруг слухам.

— Все-таки твоя мать отменно печет! — похвалил Фред пирожок, который принесла Дейзи.

— Как я погляжу, у тебя тут свежий номер «Таймс», папа? Смотри не заляпай его яблоком, а то что ты скажешь мистеру Фишеру, когда он придет за своей газетой?

Прежде чем Фред сообразил, что ответить, раздался звон дверного колокольчика.

— Как вкусно у вас пахнет нынче печеным яблочком! — воскликнул из дверей местный почтальон Берни Джонс, впустивший в лавку солнечные лучи. Он протянул тонкий конверт. — У тебя в армии возлюбленный, Дейзи, или я узнаю почерк Сэма?

— Очень смешно! — Она обернулась к отцу, который прервал чтение, чтобы поболтать с почтальоном. — Обойдешься без меня, папа? Я сбегая наверх и прочту письмо маме. До завтра, Берни!

Наверху Флора перешла к приготовлению начинки для сэндвичей. Письмо от старшего сына очень ее обрадовало, хотя и немного разочаровало тем, что оно адресовано не ей.

— Что он пишет?

Дейзи села, открыла тонкий конверт и быстро пробежала глазами письмо:

*Привет, Дейз,
передай маме, что я извиняюсь за задержку с письмом, очень занят. Роуз пишет, что вы устраиваете 18-го праздник для Салли. Жаль, что меня там не будет. Могу себе представить — театральный колледж! Малышка Салли Бруэр! Когда закончит, будет пренебрегать такими неучами, как мы. Помнишь апрельское распоряжение о записи в армию на полгода парней моего возраста? Записывались даже те, кто помладше, вот увидишь, наши Фил и Рон тоже скоро там окажутся. Мне нравится моя жизнь, Дейзи, и она платит мне той же монетой. Не так уж все худо, есть время вздохнуть. Не слушайте всяких политиков. То ли они сами ничего толком не знают, то ли не хотят нам говорить, но войны не избежать, и на ней потребуются женщины, так что не мешкай, подумай хорошенько, что тебе больше по душе. Лучшее самой выбрать, чем ждать приказа. Роуз хорошо в «Виккерсе». Вряд ли ее тронут, хотя на складе там*

целых трое работников, вдруг начальство скажет, что обойдутся и двумя?

Если прочтешь это до вечеринки, то скажи Салли... В общем, пожелай ей от меня всего наилучшего.

Сэм.

— Ничего особенного, мам. Ему нравится в армии, передает привет Салли.

— И все?

Дейзи кивнула:

— По крайней мере, он не забывает нам писать.

— Глупый мальчишка сохнет по Салли, глаз с нее не сводил, пока тут жил, — проворчала Флора. — А она в его сторону даже не смотрела.

Дейзи очень удивилась. Сэм неровно дышит к ее подруге Салли? Нет, Сэм ко всем одинаково расположен.

— Глупости, мам. Он точно так же относится и к Грейс, и ко мне.

— Грейс он жалеет, как раненого птенчика. Уж какой мой Сэм добренький! То-то, гляжу, ни слова о том, где он, чем занят!

Дейзи спустилась в лавку, вся в тревожных чувствах. Если разразится война — а уж Сэм должен в этом разбираться! — то не решит ли правительство, что для местной лавки три работника, пускай один занят только развозом заказов, — это многовато? Не удобная ли это возможность для скромной продавщицы расправить крылышки и попробовать в жизни что-то еще? Страшно... А тут еще слова матери о Сэме и Салли. Сэм влюблен в Салли? Нет, никогда! Если Сэм способен влюбиться, то разве что в машину, а никак не в девушку. И потом, ее старший брат всегда смотрел на сестер и на их подруг свысока.

— Берни пожелал нам веселой вечеринки. Похоже, вся улица только о ней и говорит.

— Мало ли кто о чем говорит, папа? Мама напекла пирожков — вот что важно! — Она нахмурилась. — Как тебе такая мысль? Переставим консервированную фасоль выше, на полку под колбасным фаршем, а груши в банках — наоборот, ниже? Покупатель увидит настоящий обед с компотом!

— Отлично придумано! Тем более что груши не больно расходятся. Молодчина! Я сам обслуживаю покупателя.

Ну и голова у тебя, Дейзи Петри! Прямо кладезь потрясающих идей! Дейзи взялась переставлять продукты на полках у двери, открывавшейся на лестницу. Сэм намекает, что война откроет новые возможности. Но не по слишком ли высокой цене? Она так погрузилась в свои мысли, что не услышала колокольчика, оповещавшего о приходе гостя. Это был мистер Фишер, пожилой житель их квартала, пользовавшийся особым расположением Дейзи; он всегда покупал газеты. В этот раз ему понадобился еще и чай, аромат которого из разных банок заглушил вульгарный запах сардин.

Дейзи задумалась о своей сестре Роуз, трудившейся на заводе боеприпасов «Виккерс» до семи вечера и поэтому не участвовавшей в подготовке к вечеринке. Ее босс, судя по всему, не верил газетным заверениям, что войны не будет, и наращивал производство.

Дейзи вытерла полки и по-новому расставила банки с колбасным фаршем, фасолью и грушами. Теперь можно было с чистой совестью подняться наверх и начать готовиться к встрече с друзьями.

— Я немного прибралась в гостиной и занесла несколько стульев, — сказала ей мать, раскладывая сэндвичи на своих лучших блюдах. — Если соберется еще больше народу, кое-кому придется сидеть на полу.

— Спасибо, мам, но если будут сплошные стулья, где же нам танцевать? Вот вымоюсь и сама взгляну.

— Тебе бы лучше передохнуть, детка.

Дейзи уже собралась возразить: «Я здоровая, как лошадь», но вовремя одумалась. Если разразится война, то ей все равно недолго осталось взвешивать овсянку и рис и читать газеты. «Не бойся, Дейзи. Лучше подумай о том, какую пользу ты можешь принести...» — бормотала она еле слышно, без всякого усилия перетаскивая два кресла в красных оборках обратно в родительскую спальню.

О лучшем начале вечеринки нельзя было и мечтать. Флора Петри сшила для своих дочек-двойняшек широкие юбки: для Роуз — пеструю, в цветочек, отлично смотревшуюся на ее высокой стройной фигуре, а для миниатюрной Дейзи — темно-зеленую хлопковую, прекрасно подходившую к блузке цвета морской волны с рукавами-буфами, которую чудом нашли на прилавке местного рынка. Даже Грейс Паттерсон, еще одна хорошая знакомая Дейзи и Роуз, оделась понаряднее, хотя призналась подругам, что раскопала свое черно-белое платье без рукавов в куче тряпья в благотворительной лавке своей сестры.

Все выглядело так, будто никто не проговорился о приготовленном для Салли сюрпризе. Но о нем знал почтальон, а значит, и все, кого он обходил, тем не менее Салли клялась, что пребывала в полном неведении. Она пришла в восторг от нарисованного Дейзи и Роуз плаката с выведенным большими буквами пожеланием «Удачи, Салли!» и с утверждением «Салли Бруэр, звезда из Дартфорда». Теперь она просила, чтобы кто-нибудь повесил плакат в ее спальне в родительской квартире по соседству, рядом с кинотеатром, где ее отец работал киномехаником. Из девятнадцати друзей, бывших одноклассников, четверем пришлось отказаться от приглашения — самим или через кого-то. Двое ребят уже поступили на службу

в растущую армию, еще двое трудились сверхурочно на заводе боеприпасов.

Оставшиеся пятнадцать бодро поглощали сандвичи и пирожки с яблоками, запивая их фруктовым пуншем со строго отмеренной дозой алкоголя. Танцы продолжались до позднего вечера. Большинство учились только до пятнадцати лет. Одна Салли, «звезда Дартфорда», окончила среднюю школу. Теперь ей предстоял трехлетний курс актерского мастерства и сценической речи, и друзья мечтали вскоре увидеть ее на экране местного кинотеатра. Дейзи, Роуз и Грейс клялись друг другу в крепкой дружбе.

Сестры-близнецы были знакомы с Салли еще с пятилетнего возраста. Грейс появилась в Дартфорде семилетней: по никому не ведомым причинам ее отослали из Шотландии, где она жила в приемной семье, к сводной сестре Меган Паттерсон. Салли и сестры-близнецы, воспитываемые любящими родителями, сразу предложили новенькой дружбу.

Когда вечеринка наконец завершилась и все разошлись, близнецы и Грейс усадили в лучшее кресло Салли.

— У нас для тебя подарок, Сал. Закрой глаза! — приказала Роуз.

Шуршание оберточной бумаги — и новый приказ:

— Теперь открывай!

Три девушки на протяжении всего лета откладывали часть заработка, чтобы Салли получила теперь этот изящнейший костюмчик цвета морской волны, прекрасно шедший к ее иссиня-черным волосам. У жакета были новомодные квадратные плечи и узкий приталенный силуэт, у юбки модной длины — облегчавшая движения небольшая складка.

Салли от восхищения разинула рот.

— Даже не знаю, что сказать... — выдавила она наконец. — С ума сойти! — Собравшись с мыслями,